Г. КАРДАШ

ЗА РОДНОЙ КАВКАЗ

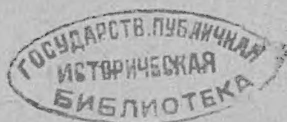
1943

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
Г. КАРДАШ

ЗА РОДНОЙ КАВКАЗ

*Очерки и зарисовки о людях мужества
и воинской доблести*

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОРДЖОНИКИДЗЕ * 1943

ПРЕДИСЛОВИЕ

Немецко-фашистские мерзавцы рассчитывали с ходу захватить Владикавказ (гор. Орджоникидзе), перерезать Военно-Грузинскую дорогу, овладеть подходами к ней и, таким образом, открыть себе путь на Закавказье. Для этой цели гитлеровское командование выделило особую ударную группу, в состав которой входили: 13 и 23 немецкие танковые дивизии, полк «Бранденбург», вторая румынская горно-стрелковая дивизия, 525 дивизион противотанковой обороны, батальон 1-ой немецкой горно-стрелковой дивизии, 336-ой отдельный батальон и другие части. Эта группировка должна была одним рывком прорвать линию обороны советских войск. Имея значительный перевес в живой силе и технике, гитлеровцы вплотную подошли к городу Орджоникидзе.

На подступах к городу в первых числах ноября 1942 года развернулись ожесточенные бои. Фрицам уже мерещился победный марш по улицам города, теплые квартиры, широкая возможность «организовать» посылки. Об этом достаточно ясно говорит письмо солдата 13 немецкой танковой дивизии Вильгельма Шутце:

«Дорогие родители. Из прошлого письма вы знаете, что мы миновали небольшой русский курортный городок Нальчик с его прекрасными виллами и дачами. Оттуда никто не хотел бы уходить, если бы впереди не был еще более очаровательный русский город Владикавказ, что по-русски значит властитель Кавказа, ключ к Кавказу. Мы приближаемся к нему. Наша дивизия завтра вступит туда. Это письмо я отправлю из Владикавказа и вместе с ним постараюсь послать вам посылочку. Надеюсь раздобыть вам что-нибудь специально кавказское».

Но мечте Вильгельма Шутце не суждено было сбыться. Его родители никогда уже не получат посылки. Их сын вместо посылки нашел себе могилу на кавказской земле. Такая же участь постигла многих гитлеровских псов. Доблестная Красная Армия нанесла фашистскому воинству сокрушительный удар. Об этом с большой радостью узнала вся страна из сообщения Советского Информбюро «В последний час»: «Многодневные бои на подступах к Владикавказу (гор. Орджоникидзе) закончились поражением немцев... На поле боя немцы оставили свыше 5.000 солдат и офицеров, количество раненых немцев в несколько раз превышает число убитых».

Когда читаешь эти скупые строчки, за ними представляешь живых людей — советских воинов, проявивших несокрушимую стойкость, храбрость и мужество в боях за славный город Орджоникидзе.

Прежде всего в памяти всплывает замечательный образ Героя Советского Союза Петра Барбашева, от-

давшего отчизне самое дорогое—свою жизнь. Незабываемый подвиг совершила четверка отважных—Величко, Михеев, Алтунин и Куприянов, четверо суток воевавшая в осажденном фашистами доте и вышедшая победителем. Столицу Северной Осетии с одинаковой храбростью и упорством защищали осетин Багаев, украинец Свинаренко, грузин Майсая, сибиряк Андреевский. Огнем скреплялась их дружба. Советские воины без страха, не щадя своей жизни, беспощадно громили немецко-фашистскую мразь. О них, об этих героях, и рассказывает, правда, местами эскизно, эта книжка. Пройдет время, когда о защитниках города Владикавказа, о тех, кто отстоял наш Кавказ от врага, будут писать повести, слагать симфонии, петь народные песни...

Защищая Владикавказ (гор. Орджоникидзе), истребляя фашистов, бойцы и командиры достойно встретили 25-летие Великого Октября, они героическими делами ответили на исторический доклад товарища Сталина 6 ноября 1942 года и приказ № 345. В боях за город Орджоникидзе советские воины показали свое высокое благородство и преданность великим идеалам родины и партии Ленина — Сталина. Пусть их славные подвиги окрылят всех наших бойцов и командиров, сражающихся на просторах Кавказа.

Кавказ есть и будет советским, потому что:

Стоим за Кавказ мы горою,
А горы нельзя сокрушить!

Ал. Кириллов.

ВОИНЫ СТРОИЛИ НЕПРИСТУПНУЮ КРЕПОСТЬ ОБОРОНЫ

ДЛЯ СЕБЯ

В августовские дни 1942 года пришел приказ:

— Превратить город Орджоникидзе в неприступную крепость обороны. Закрыть Военно-Грузинскую дорогу накрепко и не допустить врага к богатствам Кавказа, к солнечной Грузии, к нефтяному Баку.

Задача была ясна всем. Она диктовалась требованиями дня. Грозовые тучи сгущались над Кавказом. Гитлеровские орды бешено рвались вперед.

— Наш оборонительный рубеж сделаем могилой для гитлеровских мерзавцев! — ответили бойцы и командиры частей товарища Киселева.

И воины начали строить неприступную крепость обороны...

* * *

В гимнастерках, насквозь промокших потом, бойцы перетаскивают строительный материал. Здесь же, на будущем рубеже, делая в блок-ноте какие-то вычисления, расчеты, стоит командир подразделения старший лейтенант Онкин. К нему то и дело подходят подчиненные и уходят, получив необходимые уточнения, советы, указания. Бойца Редько, например, интересует, как лучше построить амбразуру:

— Учтите главное: строить надо так, чтобы отличной вышла полоса обстрела,—говорит Онкин.

В каменистой почве люди орудуют лопатами, кирками-мотыгами, ломами. Здесь каждый работает с подлинным творческим горением.

— Пока трудно определить, кто работает лучше,— говорит нам старший лейтенант Онкин. — Одно скажу: делаем все для себя.

Да, именно для себя! Это значит делать все для родины, для защиты родного Кавказа от нашествия озверевших немецких орд.

— Делаем все для себя! — эти слова стали самым популярным, боевым лозунгом дня в подразделении тов. Онкина. И в этот лозунг бойцы и командиры вкладывают конкретное содержание:

— Делаем все для защиты своих матерей, жен, детей, сестер.

Белорусс Иван Сидорин говорит:

— Я здесь, на отрогах кавказских гор, защищаю свою родную белорусскую землю, приближаю день ее освобождения.

Украинец Редько:

— Грудью отстаивая Кавказ, я защищаю родную Украину...

Боец Салимов из солнечной Туркмении. Там, за Каспийским морем его жена, дети, родные. Тяжелым ломом он отбивает острые глыбы камня. По-бронзовому его лицу катятся крупные капли пота. Он часами подряд не разгибает спину.

— Будет Кавказ — будет и Туркмения, не будет Кавказа — не будет Туркмении,—заявляет он.

У каждого бойца—одна мысль: поскорее освободить свою родную землю от гитлеровской нечисти. И бойцы и командиры подразделения тов. Онкина с высоким под'емом и энтузиазмом производят инженерные работы. По-военному четко организован труд. Каждый командир строго контролирует выполнение норм выработки своими подчиненными.

Каждый старается сделать больше и лучше. Бойцы Тищенко и Карпов за день дают по две нормы. На работу вышел боец Саламатов, недавно выписавшийся из госпиталя, и за день выполнил полторы нормы. Ему говорят:

— Ты, товарищ Саламатов, отдохнул бы...

— Отдыхать после войны будем,—отвечает Саламатов.

ЗДРАВСТВУЙ, КАЗБЕК!

Перед вечерним закатом в подразделении лейтенанта Колесова мы наблюдали необычную картину. Закончив оборудование командного пункта, небольшая группа бойцов в колонне по два направлялась в расположение своих палаток.

— Смотрите!—воскликнул шагавший впереди.

Бойцы как по команде повернули головы и группа вдруг остановилась. И глазам бойцов представилось чарующее зрелище. В прозрачной синеве небес четко вырисовывались вершины гор. Скользящие лучи солнца вдруг упали на крутой утес, и он на мгновенье покрылся ярким золотым блеском. В ущельях и седловинах клубились белые облака. А там, вдалеке, над горными хребтами сиял белоснежный Казбек...

— Красиво! — не выдержал мечтательный волжанин Куприянов.

— Такого чуда я еще не бачив,—откликнулся украинец Дзюба.

А молодой осетин Агуров произнес восхищенно:

— Здравствуй, родной Казбек!

Слова Агурова задели за живое. Каждый боец

впервые глубоко почувствовал, что Казбек и ему родной, что ему так же, как и горцу Агурову, дороги кавказские горы, кавказские просторы, покрытые садами, виноградниками и хранящие в своих недрах неисчерпаемые источники нефти...

Так разве можно допустить, чтобы сюда пришел двуногий зверь—немец и все истоптал, все уничтожил, все сжег? Разве можно допустить, чтобы фашистские псы осквернили своим присутствием чистый горный воздух, чтобы ядовитые гадины ползали у подножья гордого, седовласого Казбека?

— Нет, не бывать этому!—так ответил молчаливый взгляд бойцов.

Как зачарованные они еще долго восхищались величием, представшим перед ними.

— Пошли, товарищи,—тихо предложил кто-то.

— Да, скоро ужин.

Люди тверже и четче отбивали шаг, прямее держали головы. И на ходу Куприянов предложил:

— Давайте поработаем после ужина.

— Но что же ты будешь делать? Ведь задание свое мы выполнили.

— Поможем третьему взводу. Так согласны, товарищи?

— Что за вопрос?! — ответило несколько голосов.

После ужина, вооружившись лопатами, бойцы пошли на участок третьего взвода и там проработали до поздней ночи.

Третий взвод также досрочно выполнил боевое задание.

* * *

— Где капитан Богачев?

— Капитана Богачева вызывает к телефону штаб.

Но капитана Богачева не так-то легко найти. И днем и ночью он на ногах. Полинявшая на солнце гимнастерка капитана мелькает то на одном, то на другом участке строительства оборонительных сооружений. Капитан лично устанавливает дневные нормы выработки каждой группе бойцов, определяет место и характер инженерных работ, контролирует их выполнение.

Для строительства потребовалось большое количество строительных материалов. Капитан Богачев на заготовку и доставку материала мобилизовал весь личный состав подразделения, привлек на помощь местное население.

Капитан требует, чтобы место командного пункта и места стрелков-наблюдателей были не только образцово оборудованы, но и выбелены. Производится прочная обшивка ходов сообщения между огневыми точками. Чтобы ускорить маскировочные работы, бойцы предложили использовать такой замечательный маскировочный материал, как дерн. Капитан горячо поддержал эту инициативу.

Богачев обязательно выберет время, чтобы забежать на кухню и посмотреть: хороший ли обед готовится для бойцов, своевременно ли он будет подан.

Увлекаемые личным примером своего командира, бойцы работали по 20 часов в сутки. По крутым тропкам и дорожкам, через водные преграды они тас-

кали строительный материал. Каждый день приносил все новые образцы трудовой доблести бойцов и командиров.

Подразделение капитана Богачева первым в части закончило сооружение оборонительных укреплений.

Враг не пройдет! Куприянов, Дзюба, Агуров, капитан Богачев и его бойцы скалой врастут в землю. Их никакой враг не сдвинет с места, как никакая сила не способна сдвинуть с места могущественного Казбека.

Казбек был свидетелем многих сражений в истории нашей отчизны. Он станет свидетелем полного разгрома гитлеровских прохвостов в предгорьях Кавказа...

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Солнце беспощадно накаляет каменистый грунт. В душном воздухе плывут облака пыли. Обливаясь потом, боец Николай Груздев усердно отбивает ломом глыбы камня. На его лице глубокая сосредоточенность. Но вот, закончив дообеденную норму, он устало опускается на землю, высасывает из фляги глотка три перегретой воды.

— Может быть, покурим?

— Пожалуй, можно.

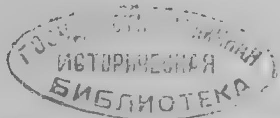
Не без удовольствия затягиваясь дымом, человек медленно разматывает клубок своих заветных мыслей.

— Вот я рою канаву, строю укрепления... В такую духоту тяжело, конечно. Но я себе облегчение делаю. В эти минуты я вспоминаю свою маленькую голубоглазую дочурку Танюшу. Ей восемь лет. С тех пор, как я больше года тому назад ушел на фронт, она научилась писать. Недавно она прислала мне свое первое письмо. Вот оно, послушайте, что она пишет: «Папа! Скоро убивай всех этих противных немцев и приезжай домой. Нам уже надоело жить без тебя. Наша бабушка часто плачет, что ты не приезжаешь, а я и мама держимся бодро и мужественно».

В этом письме есть приписка жены: «Танюша писала без посторонней помощи». Жена удивляется: откуда у ребенка появились слова — «бодро», «мужественно»? А я не удивляюсь. Эта война многому научила всех нас.

Я вот сейчас ясно представляю серьезное лицо Танюши. Она очень любознательна, ко всему присматривается, обо всем расспрашивает. Может большим человеком будет... Эх, как бы я хотел сейчас прижать к груди свою любимую дочурку, погладить ее пушистые волосы. Она, пожалуй, сейчас начала бы меня отчитывать: «Эх, ты, папуля, сидишь на такой жаре, пойдем туда, где попрохладнее». А какая она у меня ласковая, нежная!.. Да, но ее может отобрать у меня двуногий немецкий зверь. Ведь я своими глазами видел в Изюме, Лисичанске и Ростове трупы детей, матерей, старух, замученных, растерзанных гитлеровцами... Моя семья живет сейчас за Волгой, в местечке Ершово, где до войны я работал маляром. Так вот, я так рассуждаю: фашистская гадина рвется вперед, она может растоптать жизнь моей дорогой дочурки, жизнь всех нас. Как же можно допустить до этого?

Я должен преградить дорогу немчуре. Иначе в глазах дочурки я не оправдаю доверия отца, иначе я не имею никакого права говорить о своей любви к ней. Сердце мое подсказывает: во имя жизни своей маленькой Танюши быстрее рой канаву, прочнее строй укрепления, а придет немец—убей его! Вот я и выполняю

волю сердца... Посмотрите, правильно ли я уложил камни?

— Отлично!—говорит командир подразделения лейтенант Безруков.

У Груздева на устах всплывает приятная улыбка. Вот так, должно быть, улыбается его любимая дочурка...

ОТЕЦ И СЫН

Николай Ильич и Михаил Николаевич Латуновы. Первый — отец, второй — его сын. Оба — высокие, стройные. У каждого обветренное, покрытое густым загаром лицо, открытый и ясный взгляд. Только в движении Николая Ильича, пожалуй, чуть-чуть больше подтянутости, настоящей воинской собранности — он старый русский солдат, прослуживший в армии всю первую империалистическую войну, потом в гражданскую два года проведший в Красной Армии, а сын — боец первого года службы, к тому же немного застенчивый. Оба они — в одном взводе, едят из одного котелка, спят рядом и рядом же на правом фланге занимают свое постоянное место в строю.

Отец и сын на строительстве оборонительных сооружений выполняют обязанности связистов. Оба одинаково любят порученное им дело. Только сын значительно больше разбирается в тонкостях связи,— Михаил до войны работал линейным монтером радиоузла. Но отец, если этого требует дело, не стесняясь, расспрашивает сына обо всем.

Отец всегда точно выполняет приказание командиров. Он не может допустить, чтобы и его сын поступал иначе. А если сын, выполняя приказание

Отец и сын Латуновы.

командиров, допускает оплошность — отец тут же говорит ему:

— Миша, ты не точно выполнил приказание. А если в бою вот так... Что бы тогда получилось?

В середине августа произошел такой случай. Командир подразделения давал какое-то приказание Николаю Ильичу. Последний, вытянувшись, начал было повторять приказание. Но тут вдруг, метнувши взглядом в сторону, за несколько шагов от себя, отец увидел сына, спокойно сидящего на скамье. Отец не выдержал:

— Надо иметь уважение к своим начальникам. Встань, когда говорит командир!

Сын густо покраснел и, вскочив, вытянул руки по швам. Он готов был провалиться сквозь землю.

Этим дело не кончилось. Быстро выполнив приказание командира, отец продолжал отчитывать сына. И в тот день весь взвод заговорил о необходимости более четкого соблюдения всех уставных требований, о высоком уважении командиров.

Отец и сын за короткое время отлично усвоили материальную часть оружия, находящегося на оснащении взвода. Но на этом они не остановились. Михаил увлекся изучением автоматического оружия. Пример этот оказался заразительным. Сына поддержал отец, а через некоторое время весь взвод взялся за дело. Бойцы понимали, что в бою обстановка заставляет действовать разнообразным оружием, тем более важно в совершенстве владеть автоматическим.

Бойцов Латуновых мы встретили на оборонительных укреплениях. Моросил дождь, превращая грунт в вязкое месиво. То и дело приходилось очищать лопату, сбрасывая с ног большие комья грязи, одергивать на спине промокшую гимнастерку. Отец и

сын сосредоточенно и упорно рыли ходы сообщения между огневыми точками.

Мы расспросили отца о делах.

— Все в порядке,—ответил он.—Сегодня весточку от семьи получили. Жена и дети обеспечены всем. Дарья, жена моя, очень даже довольна, что мне командование разрешило служить вместе с сыном. Вдвоём веселее все же.

Мы заговорили об опасности, нависшей над родиной, над Кавказом. Отец сурово сдвинул брови:

— Я и мой сын родились на Северном Кавказе, здесь провели всю свою жизнь... Я хорошо понимаю: враг подкрадывается к нашему дому. Своей грудью мы преградим ему путь, жизни своей не пожалеем... —И, взглянув на сына, отец добавил: — Правильно я говорю, Миша? Ведь позади нас твоя мать, твои сестры!

— Назад некуда, назад нельзя,—ответил сын.

В начале сентября 1942 года происходил слет передовиков строительства оборонительных сооружений. Здесь были: всем известный каменщик по устройству дотов Макар Круповых, ежедневно выполнявший по три нормы; сержант Василий Король, внесший очень ценные рационализаторские предложения, помогшие ускорить оборудование огневых позиций; боец Абузар Исмагилов, проявивший находчивость в проведении маскировки огневых точек... Многим бойцам и командирам тут же на слете были вручены Почетные грамоты Президиума Верховного Совета Северо-Осетинской АССР за проявленный трудовой героизм. Полу-

чив из рук представителя осетинского народа Почетную грамоту, товарищи выходили на авансцену театра, принимали положение «смирно» и четко отвечали:

— Служу Советскому Союзу!

Но вот на сцену вышел пожилой боец. Ему вручили Почетную грамоту. Боец с благоговением поцеловал ее обложку и, сделав полуоборот влево, отвесил всем низкий поклон.

Это был Николай Ильич Латунов.

— А где же его сын?—спросили мы бойцов.

— Сын срочно заканчивает радиофикацию дотов,—ответили нам.—Он также награжден... Удался в отца. Оба — славные солдаты...

В МИНУТЫ ПЕРЕКУРКИ

На н-ский строительный участок прибыл свежий номер газеты «Правда». С этой газетой в руках агитатор тов. Коротеев и подошел к группе бойцов, собравшихся в тени дерева для перекурки. Плотным кольцом люди окружили агитатора.

Коротеев развернул газету. С первой страницы бросился в глаза большой фотоснимок.

— Взгляните, товарищи,—предложил агитатор.

Кольцо людей сжалось плотнее. Послышались возгласы:

— Это товарищ Сталин. А кто же с ним рядом?

— На фотоснимке рядом с товарищем Сталиным,—пояснил агитатор, — премьер-министр Великобритании г. Черчилль и представитель президента Соединенных Штатов Амереки г. Гарриман. Я вам уже рассказывал о встрече товарища Сталина с г-ном Черчиллем, об англо-советском коммюнике. Эта встреча представляла собой важное событие в укреплении дружбы между тремя великими державами. Посмотрите, на лице у товарища Сталина знакомая ласковая улыбка. В этой сталинской улыбке—уверенность Советского Союза в своей силе, показатель мощи нашей Красной

Армии. По-дружески тепло и сердечно улыбается глава английского правительства. Улыбается и представитель Северной Америки.

Сегодня мы имеем новые факты, подтверждающие приближение нашей победы над гитлеровскими извергами. В то время, как американские бомбардировщики «Летучая крепость» совершают налет на Северную Францию, а крупные соединения английской авиации усиленно бомбардируют города Рейнской области, наши войска на Западном и Калининском фронтах перешли в наступление и прорвали оборону противника...

Бойцы с захватывающим вниманием слушают агитатора. У многих возникают вопросы. Коротеев дает ответы.

Вот так всегда. Начнет, казалось, незаметно, полушутя или с незначительного факта, а развернет перед слушателями живой, увлекательный рассказ. В рассказе приводит остроумные пословицы, стихи. Свою беседу о защите родного Кавказа Коротеев закончил так:

— А фашистскому разбойнику Гитлеру мы скажем: На наш кавказский каравай рта не разевай!

Агитатор старается своим беседам придать как можно большую наглядность.

Как-то нам пришлось в городе Орджоникидзе проходить по Лебедевскому переулку. Смотрим, навстречу идет Коротеев и ведет за собой группу бойцов.

— Куда путь держите, товарищ Коротеев?

— Экскурсию в домик Кирова организовал,—ответил он. — Сергей Миронович жил по этому вот

переулку. Сегодня ведь у меня тема беседы «Пребывание С. М. Кирова на Северном Кавказе».

Через три недели Коротеева мы встретили у здания городского драматического театра. Окруженный бойцами агитатор вел с ними горячую беседу. Речь шла о приезде в город Владикавказ осенью 1920 года товарища Сталина.

— Вот в этом театре выступал товарищ Сталин,— сказал Коротеев. Энергичным жестом он указал на мемориальную доску, прибитую к фасаду театра: «На втором с'езде народов Терской области в городе Владикавказе, открывшемся в городском театре 17 ноября 1920 года, товарищ Сталин огласил декларацию об образовании Автономной Горской Республики».

Агитатор продолжал говорить вдохновенно, с особенным проникновением. Слова его, видимо, доходили до самого сердца бойцов. Молчаливый взгляд бойцов говорил об их глубоком уважении к героическому прошлому, тесно связанному с именем великого человека нашей эпохи.

У Коротеева на глазах блеснул огонек гордости.

— Здесь, в этом городе, прошло много событий связанных с именем Сталина, с именем Кирова и Орджоникидзе... Здесь каждый камень взывает: боец, ты не должен допустить до того, чтобы грязный немецкий сапог топтал все то, что так дорого и свято для народа!..

Бойцы молча слушали. У каждого из них в сердце нарастала решимость к борьбе с врагом. Решимостью горели их глаза.

В БОЯХ
С ФАШИСТСКОЙ
НЕЧИСТЬЮ

ЧЕТВЕРО ОТВАЖНЫХ

Клочок советской земли. Равен трем квадратным метрам. На клочке—дот. В доте—четверо советских воинов: донбассовский рабочий Георгий Михеев, колхозник Орджоникидзевского края Федор Алтунин, колхозный бригадир Горьковской области Павел Куприянов и тракторист с Приднепровья Иван Величко. У каждого из них — русский автомат, а в карманах и сумках — «карманная артиллерия».

Четверо бойцов ведут огонь. Впереди них — немцы, справа — немцы, слева — немцы и позади — немцы, вооруженные до зубов враги. Расстояние от дота до немцев часто сокращается до 30—40 метров. Ясно слышно дикое завывание:

— Рус, сдавайс!

Четверо отважных усиливают огонь. И фрицы откатываются. Но через некоторое время снова:

— Рус, выходи, сдавайс!

— А как же, вот сейчас и сдадимся... Сволочи! Получайте же за свои старания! — сузив глаза, бросает Михеев, и тут же пускает в сторону немцев несколько длинных очередей. За ним — его товарищи.

Четверка смельчаков уже полдня ведет жаркий

Доблестные защитники Кавказа: П. Куприянов, Г. Михеев и Ф. Алтунин

бой. Все четверо сильно вспотели, хотя день холодный, сырой и ветренный.

Алтунин с восторгом смотрит на своего друга с Приднепровья. Лицо у Величко черное от копоти и грязи, фуражка почти совсем сползла на затылок, а глаза суровые. Поливая свинцом гитлеровцев, он мстит за старуху-мать, за четырнадцатилетнюю сестру Галю. Заняв его родное село на Украине, фашистские мерзавцы изнасиловали его сестру, потом застрелили, а мать повесили... Алтунин хочет теплым словом ободрить друга. Он кричит:

— Ваня!

Но разве при таком грохоте боя можно что-нибудь разобрать?! Величко не ответил на зов товарища, а Михееву послышалось:

— Таня.

Таня — его семилетняя дочурка. Михееву почему-то кажется, что его любимая дочь стоит с ним рядом, вот-вот колокольчиком зазвенит ее веселый голос. Узнает ли она когда-нибудь о том, как ее отец защищал город Орджоникидзе и как он грудью отстаивал Кавказ. А если... если отец сложит голову на этом вот клочке земли? Нет, нет! Остаться в живых, чтобы победить! Коммунист должен жить драться и победить. И в сердце у Михеева просыпается сильная жажда жизни. Он удесятеряет силу огня.

Иван Величко в свой личный счет мести уже занес трех убитых гитлеровцев. Но продолжить этот счет ему не удалось. Он был тяжело ранен в грудь. Алтунин и Михеев сделали ему перевязку, перета-

щили раненого на середину дота. Кровь просочилась сквозь марлевую повязку. Величко от сильной боли застонал.

— Ваня, успокойся, — успокаивал его Алтунин.

— Сию минуту за тебя отомщу поганому фрицу.

— И я за тебя, Ваня, хочу отомстить,—добавил Куприянов.

Чтобы удобнее было вести огонь, Алтунин и Куприянов выползли в ход сообщения, грудью плотно прижались к земляной стене и открыли яростный огонь. Одновременно через амбразуру застрочил Михеев. Все трое жестоко мстили за выведенного из строя товарища. Лежа на сыром полу дота, Величко не мог, конечно, видеть, как подкошенные пулями фрицы пластами падали, но он слышал дружный огонь своих товарищей, и это его успокаивало.

...Над клочком советской земли начали спускаться вечерние сумерки. Сильнее подул пронизывающий ветер. Фрицы немного приумолкли. Алтунин обратился к Михееву:

— Тебе, как ротному парторгу, известно, что я подал в парторганизацию заявление с просьбой принять меня в ряды партии. Заявление до боя не успели разобрать. А я хочу, если уж умереть, то только коммунистом...

Михеев пристально посмотрел в открытое лицо Алтунина и тепло улыбнулся. Он подозвал к себе Куприянова.

— Слушай, Павел, я и ты составляем здесь партийную организацию... Поэтому проведем сейчас пар-

тийное собрание. На повестке дня один вопрос: прием тов. Алтунина в кандидаты партии. Возражений нет?

Куприянов утвердительно кивнул головой. Лишних слов не было. Протокол партсобрания написали на оборотной стороне квитанции, случайно оказавшейся в кармане у парторга. «Протокол... На партийном собрании присутствуют члены ВКП(б) Михеев и Куприянов. Повестка дня... Слушали устное заявление тов. Алтунина о принятии его в кандидаты партии во время боя 3-го ноября 1942 года. Постановили: товарища Алтунина принять кандидатом в члены ВКП(б), как товарища, который доказал в бою преданность партии Ленина — Сталина. Председатель партсобрания — Михеев, секретарь — Куприянов».

На этом же протоколе, закрыв партсобрание, Михеев дописал: «Товарищ политрук! Заявление тов. Алтунина находится в моей полевой сумке, которая у вас... Прошу оформить».

Партийное собрание влило каждому его участнику свежую струйку энергии. Все быстро заняли свои места. Скоро фашисты открыли новый шквал огня. Снова началось завывание шакалов. Тройка советских воинов упорно вела круговую оборону.

Ночью атаки совершенно прекратились. Наступила тишина. Чтобы не уснуть, отважные воины рассказывали друг другу о самом дорогом, близком, что у каждого было на душе. Михеев читал свои собственные стихи. Он вспомнил вдруг, что за несколько дней до боя сдал в редакцию красноармейской газеты стихотворение «Клятва».

«Клянусь тебе, страна родная!
Клянусь тебе, родной Кавказ!
Не дрогну я в бою, свободу защищая:
Я жизнь готов отдать за вас!
Расти, страна! Мужайсь, Кавказ!
Победы нашей близок час».

Прочитав эти строчки, Михеев подумал: «А напечатают ли в газете?» Как бы угадав его мысли, Куприянов ответил:

— Конечно, должны напечатать. Но стих больно уж короткий.

— Ну, что ж,— ответил Михеев,— кончим бой — тогда напишу продолжение. О том, как выполнена клятва...

Ночь была на исходе. Немцы снова начали свои атаки.

* * *

Четыре дня фашисты ожесточенно штурмовали позицию храбрецов. И за четыре дня фашистам не удалось ничего сделать.

Советские богатыри свой клочок земли отстояли с честью. К исходу четвертого дня пришла помощь. Фашисты откатились назад, оставив вокруг маленького клочка советской земли до 40 немецких трупов.

ЛЕЙТЕНАНТ НИКОЛАЙ КОШУБА

Вот он веселый, жизнерадостный подходит к своим товарищам. Через минуту—две слышен взрыв хохота. Это лейтенант Николай Семенович Кошуба уже успел рассказать какую-то смешную историю. В его глазах играет огонек задора, движения резкие, решительные. Кто знает, может быть именно за это девушки на Украине и называли его ласковым и нежным словом:

— Колюша!

Электромонтажника Николая Кошубу многие хорошо знали в Харькове, Сталино, Краматорске, Макеевке. Он был участником с'езда лучших представителей молодежи Украины, на котором познакомился с выдающимися учеными и писателями.

В армию Кошуба принес солидный жизненный опыт. Возмужалый парень с жаром взялся за изучение военного искусства. Окончил школу младших, потом — школу средних командиров. Электромонтажник стал лейтенантом. Выправку и подтянутость приобрел, но в характере, кажется, совсем мало изменился. Остался таким же веселым, любящим вдоволь пошутить, посмеяться. Вот таким он и пошел в бой с немецкими захватчиками.

Подразделению лейтенанта Кошубы пришлось отражать жестокую танковую атаку врага. На позиции, занимаемые подразделением, ползло несколько десятков фашистских танков, за ними двигались автоматчики. Выждав, пока вражеские танки подползли на нужное расстояние, Кошуба дал распоряжение открыть залповый огонь с противотанковых ружей. Послышались команды:

— По танкам, огонь... Пли!

Залповый огонь ведется в составе одного-двух отделений. Несколько подбитых танков останавливается, но остальные ползут вперед. Кошуба хладнокровно требует от своих подчиненных усилить залповый огонь.

Гремят выстрелы. Снова подбито несколько танков. Сильный удар принимает на себя расчет противотанкового ружья наводчика Григория Горового. На него движется до десятка вражеских машин. Он ведет меткий огонь, которым выводит из строя сначала один, потом второй танк. Горовой получает ранение в голову, но он не уходит с поля боя. Да и как можно уйти, когда разгорается такой горячий бой?! Вражьи танки громыхают, вот они уже совсем близко. Лейтенант Кошуба шуткой подбадривает бойцов:

— Ползут, сволочи. Сейчас же отведают нашего гостинчика. Огнем сыпь, Семеновна, подсыпай, Семеновна...

У многих бойцов на лице всплывает улыбка. Они крепче ведут огонь. Особенным упорством выделя-

ются Дмитрий Ларьин и Сергей Бутов. У них вышли патроны. Тогда бойцы пускают в ход гранаты.

Создается напряженная обстановка. Неся огромные потери, противник все же продолжает продвигаться вперед. Вражеские танки начинают утюжить окопы переднего края нашей обороны. Вот на одном танке, открыв люк, высунул голову фашистский офицер. Он в злобной горячке кричит: «Рус, сдавайс!» Но тотчас же сваливается, сраженный меткой пулей нашего автоматчика. По окопам передается приказ Кошубы:

— В люки танков забрасывать гранаты!

Лейтенант лично руководит организацией огневого взаимодействия. По его требованию наши автоматчики, искусно замаскировавшись в окопах, усиленным залповым огнем уничтожают вражеских пехотинцев. С гранатой в руках Кошуба подбегает к танку. Раздается сильный взрыв. Подбитый танк застывает на месте. Тогда командир подразделения спешит на выручку к бойцам левого фланга. И всюду он успевает во-время притти на помощь, всюду слышен его бодрый, уверенный голос.

Бойцы видели возле себя раненых товарищей, слышали их стоны, но стойко продолжали неравный бой. И железная стойкость бойцов, вызванная к жизни личным примером командира Кошубы, его умелым руководством боевыми действиями, победила. Враг в панике откатился назад, оставив на поле боя большое количество трупов солдат и офицеров. Под-

разделение Кошубы в этом бою уничтожило 10 танков, 2 бронемашины и 1 самоходную пушку.

В сердце Кошубы горит жгучая ненависть к человеческому отребью — немцам, а мысли и чувства пронизаны единым стремлением: поскорее освободить родную Украину от фашистского ига.

— В бою я твердо убедился,— говорит Кошуба,— что немец не так уж и страшен, как его малюют паникеры. Ох, и бить его можно, да еще как!.. Верю: скоро будем в родном Харькове...

СЫН СОЛНЕЧНОЙ ГРУЗИИ

На подступах к переднему краю нашей обороны уже вторые сутки идет бой. Воздух насыщен орудийными раскатами, уханьем мин, ружейно-пулеметным стрекотом. Где-то совсем недалеко рвутся вражеские снаряды. Грохот взрывов отчетливо передается по земле во внутрь глубокого блиндажа-кухни, где Баграт Майсая сейчас готовит пищу бойцам.

Быстро он орудует кухонным инструментом, а мыслями — весь на передовой. Ведь именно там сейчас решается его личная судьба, судьба его родной Грузии, судьба социалистической отчизны! Если наши бойцы отойдут назад хоть на один шаг — значит фашистские головорезы продвинутся на один шаг ближе к родному дому Баграта, где он оставил жену и сынишку. Оставил родной

колхоз, где он до войны выращивал породистых овец, выделывал сыр, собирал виноград. Все это хочет забрать поганый немец. Нет, этому никогда не бывать!

Майсая снова берет досада. Эх, как жаль, что у него такая невоинственная профессия, он — повар. Но что поделаешь? И Майсая начинает себя успокаивать: накормить вкусно бойцов — тоже важное дело, но... Закончится война, товарищи приедут домой и будут рассказывать, кто сколько истребил фрицев. А он что расскажет? Перечислит количество изготовленных обедов, завтраков и ужинов.., Майсая до боли гложет обида.

Перед рассветом повар получил приказ: к 6-ти часам доставить завтрак на передовые позиции. Захватив с собой хлеб, ведро с борщом, винтовку, Майсая направился к своим боевым товарищам. Но не успел пройти и сотни шагов, как вдруг над его головой с резким воем пролетел один вражеский снаряд, потом другой. Майсая прижался к земле. Впереди от него взорвалась мина, один ее осколок со звоном чиркнул по стенке ведра.

Майсая решил изменить свой путь. Низко пригибаясь, рывками добрался до оврага. При спуске в овраг его подбросило взрывной волной воздуха. Овраг оказался хорошим прикрытием от вражеского огня. Майсая благополучно пришел к своим на передовую.

Оживленно заговорили бойцы:

— Наше подкрепление пришло.

— Ну, Баграт, давай! Покушаем — веселей будет бить фрицев!

Баграт начал раздавать завтрак. Но на правом фланге неожиданно застрочили вражеские пулеметы. Противник пошел в атаку на наши позиции. Бойцы, отодвинув котелки в сторону, приготовились к отражению наседавших гитлеровцев. Майсая в одно мгновенье схватил винтовку и пристроился на краю окопа.

Немцы идут прямо в рост, на ходу стреляя из автоматов. Немцев — много; все они завывают, рассчитывая очевидно внести этим смятение в ряды советских воинов. Майсая, прильнув к прикладу винтовки, берет на мушку самого толстого гитлеровца. Хладнокровно нажимает на спусковой крючок. Грянул выстрел. Выпустив из рук автомат, гитлеровец замертво свалился на землю. Это был немец, первым занесенный в личный счет мести ротного повара.

Майсая оглянулся. С правого фланга его окоп пытаются обойти до 15 вражеских автоматчиков.

— Ах, вы вонючие немецкие шакалы!—со злостью прошипел Майсая. Порывистым движением руки повернул ствол винтовки вправо и сейчас же в упор начал расстреливать обнаглевших гитлеровцев.

Пятью ружейными выстрелами подряд Майсая сразил 5 фашистов, но остальные продолжали лезть вперед. Вот они приблизились уже на расстояние каких-нибудь 40 метров. Передние два фашиста взвизгивают как дикие свиньи, на их головных уборах ясно видны черные пауки свастики.

— Смерть вам, шакалы!

И Майсая еще крепче стиснул винтовку в руках.

в упор застрелил двух передних фашистов, остальные залегли.

Бесстрашный витязь в серой красноармейской шинели, потомок легендарного грузинского героя Тариеля повернул ствол винтовки влево — на старое место. И снова начал яростно вести огонь по немецкой падали.

Вот так и отбивался от наседавших с двух сторон гитлеровцев. Баграта активно поддерживал дружный, уверенный огонь двух соседних окопов, в одном из которых действовал украинец Михаил Свинаренко, в другом — волжанин Александр Богомолов. На глазах у Майсая Свинаренко одной короткой очередью из ручного пулемета сразил 9 немцев. Пример товарища еще больше ожесточил Майсая.

Фашистская атака вновь была успешно отражена. Всего в этом бою Майсая истребил из винтовки 18 гитлеровцев.

После боя коммуниста Майсая спросили:

— Какую же партийную работу вы провели на передовых позициях?

— Какую работу провел? — переспросил Баграт и, немного подумав, ответил: — Истреблял немцев...

Майсая во всем любит порядок, аккуратность. При раздаче пищи он обязательно упрекнет того бойца, который подставляет засаленный котелок или же пытается нарушить очередь. За это еще никто не посмел обидеться на повара.

Майсая часто вел задушевный разговор с Михаилом Свинаренко. Они рассказывали друг другу об

урожаях, о несметных богатствах колхозных, о замечательном предвоенном соревновании колхозников Украины и Грузии; с глубокой болью вспоминали о неслыханных изуверствах, чинимых гитлеровцами на украинской земле, превративших ее цветущие города и села в развалины, в лагеря виселиц и смерти. Недавно Свинаренко попросил у Майсая дать рекомендацию для вступления в партию. Майсая слегка похлопал друга по плечу:

— Коммунистом хочешь ехать освобождать свою Украину?

— Точно — тихо сказал Свинаренко.

— Ну, что ж, придется дать тебе рекомендацию. Немцев истреблять ты умеешь. Сам видел...

СТОЙКОСТЬ

Мы сидим в уютной комнате тылового госпиталя. Сквозь настежь открытые окна врывается дыхание осени. Искрясь солнечным блеском, на подоконник залетают пожелтевшие листья каштана. Ясно слышен их сухой шорох. На старшего лейтенанта Николая Ивановича Чепурнова такая тихая и спокойная обстановка действует удручающе. Он чувствует себя вполне бодрым, здоровым. Вот только рана на руке не совсем еще зажила. Ну, да это пустяки—скоро заживет. И тогда старший лейтенант снова ринется в бой. Он снова поведет в бой свою роту, как это было совсем недавно...

Находясь на переднем крае обороны, подразделение Чепурнова отражало упорный натиск врага. Густо падали вражеские снаряды, покрывая землю глубокими воронками. В воздух взлетали деревья, камни. То и дело вокруг взрывались мины. Немцы несколькими волнами ходили в атаку. В разгаре боя осколком снаряда Чепурнов был ранен. Но он оставался на передовой до тех пор, пока не были отражены все атаки фашистов. Первая рана быстро зажила. О ней даже

и не вспомнил бы командир, если бы не напоминала марлевая повязка.

Через несколько дней — снова жаркий бой. Против роты Чепурнова действовали превосходящие силы врага — около батальона немецкой пехоты. Вооруженный до зубов, враг остервенело рвался вперед. Чепурнов пустил в ход все огневые средства. Бой длился три дня подряд. Много раз в первые два дня гитлеровцы ходили в атаку, но всякий раз, ошпаренные, откатывались назад. Роте Чепурнова также приходилось отражать танковые атаки врага.

На третий день обстановка усложнилась. В подразделении Чепурнова боеприпасы оказались на исходе. А гитлеровцы, несмотря на огромные потери, продолжали наседать. Их истерические крики «Рус, капут» раздавались уже на расстоянии каких-нибудь 50 метров. Если бы в то время кто-либо из бойцов высказал мысль об отходе — Чепурнов в ту же секунду застрелил бы его на месте.

Бойцы старались каждую пулю послать в цель. И все-таки немцы лезли, уткнув в живот свои автоматы. Вот два немца одновременно с глухим стоном рухнулись на землю — их сразил своим автоматом красноармеец Антон Соловьев. Его тут же похвалил командир отделения Федор Носырев:

— Молодец! Крепче коси огнем эту фашистскую сволочь.

Боец Иван Тимофеев осколком ранен в голову, но он продолжает вести яростный огонь из своего гроз-

ного оружия. Он твердо помнит приказ родины, великого Сталина:

— Ни шагу назад! Стоять насмерть!

Поле боя окутывают вечерние сумерки. Старший лейтенант Чепурнов быстро оценивает критическое положение. И вдруг ему в голову вкрадывается дерзкая мысль: хитростью надо взять врага. Чепурнов в один миг подбегает к замаскированному в кустах нашему танку, указывает танкисту нужное направление, а сам, вскочив на башню, властным голосом командует:

— Батальон, на танки!

Загрохотали гусеницы вперед движущегося танка, на котором сидел Чепурнов. Потом этот грохот быстро потонул в дружных криках красноармейского «ура». Все это для гитлеровцев оказалось таким неожиданным, что они в панике попятились назад, оставив на поле боя свыше 200 трупов. Успех трехдневного боя оказался на стороне подразделения Чепурнова.

Мы стараемся выяснить у старшего лейтенанта: что же решило этот успех?

— Стойкость и еще раз стойкость,—отвечает командир. О своей личной стойкости и бесстрашии в бою он ничего не сказал. Он только добавил:

— Стойкость в бою наших воинов сохранила им жизнь. Воевали малой кровью. За три дня упорных боев моя рота понесла незначительные потери: один убитый и шесть раненых. Три из шести раненых, в том числе и я, скоро снова вступят в строй.

ОНИ ПОМНИЛИ СЛОВА КОСТА

За две недели до вступления в бой с немцами красноармеец Малик Багаев совершенно случайно побывал несколько часов в своем родном осетинском колхозе. Впервые увидев отца в военной форме, его трехлетний черноглазый сынишка Балик спросил:

— Папа, вот ты военный, скажи: нас немцы не убьют?

Отец взглянул в серьезные, как у взрослого, глаза сыну:

— Не беспокойся, сынок. Пока я жив, немец к тебе не придет.

Это было твердое отцовское слово.

...Двуногие фашистские звери шли с трех сторон. Во весь рост, с большой самоуверенностью, с надеждой в несколько мгновений захватить огневую точку, в которой вели огонь Шевцов — первый номер пулемета и его помощник Багаев. Фашисты уже были на расстоянии 30 метров. Офицер и двое солдат бросили гранаты. Осколок гранаты пролетел сквозь амбразуру и тяжело ранил Шевцова. Багаев кинулся перевязывать товарища, но тот запротестовал:

— Я сам перевяжу... Нельзя прекращать огня. Бей их, сволочей, и за меня.

Багаев занял боевое место первого номера. Пулемет снова ожил. Пули точно ложились в цель. Несколько гитлеровцев замертво свалилось на землю, остальные залегли.

Воспользовавшись затишьем, Багаев помог Шевцову как следует перевязать рану. У раненого от нестерпимой боли перекосилось лицо, он начал дрожать. Багаев быстро укрыл его одеялом, сверху набросил свою шинель и снова взялся за пулемет.

Гитлеровцы поднялись на ноги. Справа на огневую точку идет 4 гитлеровца, слева — 6. Четыре гитлеровца совсем уже близко, шесть — на десяток метров дальше. Багаев решает: сначала он убьет четырех, а потом остальные подоспеют на очередь. Свое решение отважный боец тут же начинает приводить в исполнение. Он открывает яростный огонь по четырем гитлеровцам — все они, сраженные меткими пулями, кубарем так и покатились по земле. Багаев вслух сам себе говорит:

— Отлично стреляете, товарищ боец! А теперь открывайте огонь по группе собак, которые лезут слева.

Шевцов, сдерживая боль, улыбается. Ему нравится поведение его боевого товарища. Шевцов что-то кричит, но Багаев ничего не слышит — он строчит по гитлеровцам. Из 6 выведено из строя только 3, остальные прижались к земле. Это приводит в ярость Багаева. Он начинает сильнее строчить из пулемета, но тщетно, — гитлеровцы больше не встают на ноги.

Шевцов кричит:

— Воды! Хоть капельку...

Но где ее взять? Фляга у Багаева пуста. А раненому товарищу надо дать попить воды.

— Потерпи, друг, — отвечает Багаев, а сам продолжает стрелять. Но вот пулеметные диски все израсходованы. Тогда Багаев хватает в руки свою русскую трехлинейку и пускает ее в ход. С первых же винтовочных выстрелов ему удается срезать двух гитлеровцев. Удача вдохновляет, Багаев радостно восклицает:

— Хорошо бьешь, верная моя винтовочка!

В этот самый момент в дзоте и появился санитар. Как ему Багаев обрадовался! У санитара оказалась вода. Он помог лучше перевязать раненого, взвалил его себе на спину и поспешил на медицинский пункт.

Через санитара Багаев передал:

— Скажи командиру, что я буду драться до последнего патрона.

Спустя некоторое время к Багаеву прибыло подкрепление—незаметно для немцев приполз боец Николай Безбородов. Пока он вел огонь, Багаев набил патронами диски и снова взялся за пулемет. Стрелял до тех пор, пока атака гитлеровцев не была отбита.

А когда наступило затишье — Багаева спросили:

— Сколько же ты убил немцев?

— Не знаю, не считал,—ответил он.—Некогда было считать...

...Слева от крохотного домика гитлеровцы бросились, было, в атаку, но пулеметчик, осетин, Елизар

Калтуров, подпустив их на близкое расстояние, открыл такой огонь, что пройти сквозь него было невозможно. Так и поливал струями свинца. Враг был прижат к земле.

Но справа от домика гитлеровцы продолжали напирать. Прикрываясь непрерывным огнем автоматов, они подползали ближе и ближе к нашим окопам. Калтуров одной пулеметной очередью сразил трех передних гитлеровцев. Вдруг пулемет его захлебнулся. Калтуров нажал на спусковой рычаг, потянул к себе рукоятку—пулемет не действует. А гитлеровцы лезут и лезут, они уже начинают с двух сторон окружать окоп, в котором сидит советский пулеметчик.

Калтуров не растерялся. Он спокойно открыл крышку короба. В продольном окне приемника заметил осложненный перекос патрона. Калтуров в один миг устранил задержку и снова с ожесточением начал косить немецких бандитов.

В этом бою Елизар Калтуров своим пулеметом уничтожил до двух десятков гитлеровцев. На следующий день боец хотел увеличить свой личный счет мести, но его серьезно ранили. Командир тов. Панин предложил Калтурову немедленно отправиться в санчасть. Калтуров начал решительно отказываться.

— Товарищ командир, разрешите мне остаться в дзоте.

— Не понимаю. Зачем?

— Мало убил фрицев. Разрешите еще лишний часок пострелять...

— Товарищ Калтуров, я вам приказываю отправиться в санчасть.

...Беспощадно истребляя гитлеровцев, Багаев, Калтуров и сотни таких, как они, бойцов-осетин твердо помнили слова своего великого поэта Коста Хетагурова:

Лучше умереть народом свободным,
Чем кровавым потом
Рабами деспоту служить.

Помнили и выполняли свой долг перед родиной.

На фото: немецкие зенитные орудия, захваченные нашими частями в районе с. Гизель.

УМЕНИЕ ВОИНА

Шел бой. Под натиском наших наступающих подразделений немцы в беспорядке откатывались назад, оставляя на поле боя убитых, раненых и много вооружения.

— Усилить минометный огонь,—таков приказ командования. А в минометном подразделении тов. Кастальцева боеприпасы кончались и когда их подвезут — было неизвестно. Как быть?

— А что, если свои минометы заставим стрелять немецкими трофейными минами,—не то спросил, не то предложил лейтенант Черниховский.

Кастальцев поддержал предложение. Быстро производится пристрелка советского миномета немецкой миной, устанавливается нужный прицел. Грянули выстрелы. Результаты отличны. Значит, есть чем усилить огонь: вокруг валяется сколько угодно трофейных мин. Началась непрерывная стрельба. В морозном воздухе то и дело слышится команда:

— По фашистам—фашистскими минами... Беглый... Огонь!

Кастальцев и Черниховский в течение двух дней

вели яростный минометный огонь. Старший лейтенант Подмятников отлично корректировал. Немецкие мины точно падали на головы немцев.

* * *

Вокруг, куда глазом ни кинь, бушует море огня. От взрывов вражеских мин в трех местах одновременно происходит обрыв телефонного провода, связывающего наступающие подразделения со штабом части. Сержант Урнев получил приказ: немедленно исправить линию.

Плотно прижимаясь к земле, сержант переползает от холмика к холмику. Утыкав фуражку и шинель кустами сухой травы, Урнев сливается с фоном местности. Снова ползет. Ощупью находит первый обрыв—быстро его устраняет. Потом находит другой, третий. Линия исправна. Связь со штабом восстановлена.

* * *

На подступах к огневой точке уже валяются десятки фашистских трупов—сказалась снайперская сноровка ефрейтора Свинаренко. С тем большим остервенением живые фрицы ползут вперед, их просто бесит поведение бесстрашного советского воина. Одного фрица, пытавшегося бросить гранаты, Свинаренко застрелил в упор из револьвера.

Второму фрицу все же удается бросить гранату. Вот она пролетает над самой головой у Свинаренко. Ефрейтор на лету хватает гранату и бросает ее в обратную сторону. Несколько фрицев замертво падают на землю, сраженные осколками своей же гранаты.

* * *

Боец Михаил Кошевой, спрятавшись за глыбой камня, молча и терпеливо наблюдал за полем боя.

— Ах, гад!—вырвалось у него.

Он увидел, как метров за сто от него немецкий солдат воткнул в землю лопату, надел на нее каску, а сам нырнул в траву. Не обращая внимания на каску, Кошевой начал пристально следить за кустами. Вскоре кусты зашевелились и среди них показалась голова солдата. Это был вражеский корректировщик. Выждав удобный момент, Кошевой нажал на спусковой крючок своей винтовки. Глухо промычав, корректировщик мертвым распластался в траве.

Кошевой облегченно вздохнул:

— Хотел, гад, перехитрить меня...

В тот день боец Кошевой в своей маленькой книжке под названием «Личный счет мести» записал: 9-го ноября истребил 12 гитлеровцев.

* * *

Подразделение, в котором находился младший сержант Михаил Нефедов, неожиданно с правого фланга было обстреляно из автоматов. И так же неожиданно обстрел прекратился. Младшему сержанту было приказано выяснить в чем дело.

С группой бойцов Нефедов ползком начал пробираться к тому месту, откуда летели пули. Через пять минут обнаружил, что на правом фланге в кустах лежат военные. Как-будто наши — со звездами на головных уборах, в русских шинелях. Нефедов прищуривает глаз, пристально всматривается. У него

возникает подозрение. «А давай я их пугну выстрелом», — подумал он. Выстрелил. Услышав выстрел, военные ответили тем же. Младшему сержанту теперь было ясно, что перед ним — немецкие автоматчики, переодетые в красноармейскую форму. Нефедов забрасывает мнимых красноармейцев гранатой. Почти все они были уничтожены. Путь для наших наступающих подразделений был очищен.

* * *

Сидя в огневой точке, перед лицом наступающих гитлеровцев, красноармеец Александр Галкин видит как на его глазах умирает от тяжелого ранения замечательной души человек — лейтенант Клок. Красноармеец наскоро сделал командиру перевязку, подложил ему под голову свою ватную куртку, но это не помогло. Из раны продолжает сочиться кровь. У красноармейца в груди нарастает такая острая боль, что он начинает чувствовать, будто его кровь сочится. Галкин хорошо понимает, что от такого тяжелого ранения командир все равно умрет, но ему страстно хочется, чтобы командир пожил хоть еще несколько минут. Красноармеец вставляет в автомат новый диск и пускает одну очередь в сторону врага. Одну лишь короткую очередь. Шесть фрицев замертво свалились в траву. Галкин радостно кричит:

— Хорошо!

Умирающий командир еле двигает обескровленными губами:

— Галкин, что хорошего?

— Одной короткой очередью снял шесть фрицев, товарищ лейтенант!

На устах умиравшего в последний раз всплывает улыбка. Ведь это он научил Галкина так метко стрелять. Таких, как Галкин, у него много...

Красноармеец, стоя у трупа командира, продолжал ожесточенно вести огонь. В тот день Александр Галкин за жизнь своего командира лишил жизни 20 гитлеровцев.

* * *

В боях с немецко-фашистскими мерзавцами, пытавшимися с налета захватить наш рубеж, бойцы и командиры показали много примеров мужества, смелости и отваги. Но это не все. Великий наш полководец товарищ Сталин учит: «Смелость и отвага—это только одна сторона героизма. Другая — не менее важная — это умение».

Выполняя сталинские указания, наши воины настойчиво совершенствовали свою боевую выучку: строили оборонительные укрепления и одновременно учились бить врага наверняка. И это сказалось в боях. Воины Волков, Вековищев, Кастальцев, Черниховский, Свинаренко, Уриев, Кошевой, Нефедов и сотни таких, как они, умело били врага. Гитлеровские бандиты еще узнают силу новых сокрушительных ударов советских патриотов-воинов, неустанно крепящих свое воинское умение.

ВОЕНФЕЛЬДШЕР ЛЮБОВЬ КУЗЬМИНА

Зловеще воя, над нашими огневыми позициями кружились фашистские стервятники. Они пачками сбрасывали авиабомбы разных калибров, обстреливали очередями с пулеметов. От сильных взрывов содрогалась земля; воздушными волнами в щепки разрушались крыши больших домов. Всюду носилась неумолимая смерть, подкашивая людей осколками раскаленного металла и разрывными пулями, засыпая щебнем разрушенных зданий, пришибая камнями, обжигая струями огня.

В такой обстановке и пришлось нам встретить военфельдшера Любовь Георгиевну Кузьмину. Вся ее воля была направлена к одному — успеть прийти туда, где в ней больше всего нуждаются. Ее стройную, подтянутую фигуру, одетую в простую красно-

армейскую форму, можно было видеть то на одном, то на другом участках подразделения.

Военфельдшеру показалось, что авиабомба разорвалась в районе наблюдательного пункта. Любовь Георгиевна пулей летит туда. В голове тревожная мысль: а что, если все там погибли? Эта мысль навязчиво сверлит мозг. Но тревога военфельдшера оказалась напрасной. На наблюдательном пункте все живы и невредимы. Только один боец был немного отброшен взрывной волной. Любовь Георгиевна спешит назад. В нескольких шагах от нее взлетает вверх столб земли. Военфельдшер успевает плотно прижаться к стенке канавы. Осколки со свистом пролетают мимо. Встряхнув с себя землянную «присыпку», Любовь Георгиевна снова бежит. Где-то недалеко стонет раненый. Военфельдшер аккуратно перевязывает.

— Спасибо, девушка, — шепчет раненый.

Но военфельдшер не слышит этих слов. Она уже перевязывает другого раненого. Любовь Георгиевна взмахом руки останавливает первую попавшуюся автомашину, быстро погружает в нее раненых и приказывает шоферу:

— Этих людей немедленно отправить в медсанбат.

Снова и снова взрываются вражеские авиабомбы. Их осколки поражают военных и мирных жителей. Раненые кричат, стонут, просят о чем-то, зовут. Любовь Георгиевна, не переводя дыхания, то бежит, то ползет и успевает оказать пострадавшим нужную помощь. Ласковым взглядом награждают ее раненые. Некоторые в знак благодарности спрашивают:

— Девушка, как вас зовут?

— Военфельдшер! — пряча на устах теплую улыбку, громко отвечает Любовь Георгиевна.

Ее смешит такой странный вопрос. К тому же, какая она девушка?! Она—мать. Правда, ей всего 23 года. Мыслями она на мгновенье уносится к своей двухлетней дочурке Маргарите. В далеком Красноярском крае, у родных живет сейчас ее дочь. Толстушкой стала,—пишут родные. Когда-то придется ее увидеть? Мысль о Маргарите подбадривает, согревает ее.

Любовь Георгиевна не заметила как и день прошел. Перед вечерними сумерками командир предлагает ей подкрепиться. Она наотрез отказывается:

— Я буду кушать, а раненые должны ждать. Нет, нет, не могу...

На ходу ответила, взметнула кудряшками и скрылась в блиндаже.

С наступлением темноты начали действовать вражеские дальнобойки. Опять пошли раненые. Любовь Георгиевна опять металась от одного взвода к другому. На участок прибыло новое подразделение, пришлось обслуживать и его. В первом часу ночи раненым бойцам Трегубову и Новоселову наложила по две импровизированных шины, быстро направила в ближайший медпункт и... может быть минуту вздремнула? Нет, не до сна было военфельдшеру. Всю ночь она выполняла свои обязанности, связанные с риском для собственной жизни. В разгар боя смелостью и бесстрашием бойцов заражался военфельдшер.

Два дня и две ночи дежурила она на участке своего подразделения, не смыкая глаз. Пищу принимала на ходу. И только на третью ночь, передав дежурство, вздремнула. Но долго спать не могла. Тревожно билось сердце. Всплеснув холодной водой лицо, снова спешила на боевой пост.

...Дни грозной опасности отошли в прошлое. Следы их видны на каждом шагу, они еще свежи. Какой же след они оставили в сердце военфельдшера?

— Я научилась сохранять спокойствие под бомбежкой, крепко держала в руках свои нервы. Этого мне не мог дать медицинский техникум... А в нашем деле, сами знаете, прежде всего необходимо спокойствие,—говорит она.

Любовь Георгиевна — коммунистка. Недавно коммунисты избрали товарища Кузьмину парторгом своего подразделения.

ВЫРУЧКА В БОЮ

Мы не знаем ни ее имени, ни возраста, ни профессии, но видно, что это добрая, любящая своего сына мать. Об этом говорит ее письмо: «Дорогой мой Адичка! Все мои мысли с тобой... Как ты себя чувствуешь? Как твое здоровье? Я и твоя сестричка Алла живем единственным желанием, единственной надеждой — поскорее встретиться с тобой... Целую тебя крепко, крепко. Твоя мама».

Это письмо нашли мы в кармане зам. политрука Аркадия Алексеевича Климашевского, убитого 8-го ноября 1942 года на подступах к нашему рубежу.

Не сбылись желания матери. Не увидит она больше своего сына...

Кто в части майора Есипова не знал этого шустрого, веселого Климашевского! В минуты отдыха он

вам мог рассказать десятки веселых историй. Разговор свой он часто пересыпал украинскими поговорками, прибаутками. Бывало, встретит Климашевский бойца, у которого шинель плохо заправлена, и, пряча улыбку, начинает ему говорить:

— Та нема гирш никому, як твоий шинели...

Боец вначале не понимает намека.

— Твоя шинель,—продолжает Климашевский,—жалкуе, що висить на твоих плечах. Ну, хиба ж так заправляють?

Чтобы Климашевскому командир не поручил — он все выполнял быстро, аккуратно. В трудном деле обязательно проявлял инициативу, находчивость.

А как он любил кавалерийское дело, хотя, в сущности, нес службу пехотинца. В части ему поручали выезжать самых горячих лошадей. Вскочит он в седло, пришпорит коня и вихрем понесется по полю.

— Ну, как?—после спрашивали его.

— Добрый кинь, щоб его чортяка взяла. Я його грив, тай вин мене нагрив, що аж кризь сорочку пит выступыв.

Своим близким друзьям Климашевский часто раскрывал свою мечту:

— Кончится война — в институт учиться пойду...

И с большой гордостью показывал аттестат об успешном окончании средней школы в городе Запорожье. В аттестате по всем предметам стояла оценка «отлично».

В боевой обстановке, как и в обычное время, Климашевский подбодрял друзей веселыми шутками. Под

вражеским огнем он даже успел сочинить новый анекдот о том, как пустобрех Геббельс обрадует психопата Гитлера новой «победой» в районе Владикавказа...

В разгар боя Климашевскому поручили сопровождать зам. командира части капитана Алейникова. Капитану надо было пройти на левый фланг одного подразделения, куда противник сосредоточивал свой ружейно-пулеметный огонь. Противник непрерывно обстреливал все пути подхода. Пришлось ползком пробираться к левому флангу. Но и ползти было очень трудно, — где-то недалеко бешено стрекотал вражеский пулемет. Он заставлял прирастать к земле и не двигаться. Тогда Климашевский выбирал подходящий бугорчик и начинал стрелять из автомата, вызывая на себя огонь вражеского пулемета. А тем временем капитан полз вперед.

Так и приходилось двигаться. Пока добрались до левого фланга — Климашевский успел истребить огнем своего автомата 8 гитлеровцев. Меткость его стрельбы видел капитан, видели многие бойцы. Климашевскому приятно было слушать от друзей слова одобрения. Ведь он впервые участвовал в бою.

Над головой визжали и свистели тысячи пуль и осколков. Капитан, пригнувшись, пробирался по траншее, за ним сбоку — Климашевский. Острым взглядом он смотрел по сторонам. Вдруг справа заметил вражеского снайпера. Снайперу удобно было взять капитана на мушку. Капитану угрожала гибель. Это прекрасно понимал Климашевский. Он в одно мгновенье вскинул автомат и, прикрывая собой

капитана, послал очередь в сторону снайпера. В этот момент Климашевский и был сражен вражеской пулей...

* * *

Сержант Демьян Лысенко с самого начала отечественной войны истребил около 100 гитлеровцев. Он не раз попадал в окружение противника, но всегда выходил из него, переступая через трупы им же истребленных немцев. Молодым, малоопытным бойцам, пришедшим в роту на пополнение, Лысенко всегда советует:

— Главное в бою — не робеть. Что бы там ни было — не робей, ребята! Не бойся встречи с врагом. Ищи врага, уничтожай его гада, и сам останешься жив... Я участвовал уже во многих боях, а, как видите, остался жив. Почему? Да потому, что беспощадно бью фашистских гадов. А если бы я их не бил, они убили бы меня.

Сержант Лысенко сейчас часто получает письма от своего друга — командира отделения тов. Науменко, находящегося в глубоком тылу на излечении. Какие это горячие письма! Науменко всегда заканчивает письма так: «Низко кланяюсь тебе, дорогой друг, и от всего сердца, от всей души желаю успеха в твоей боевой жизни». Науменко часто называет своего друга родным братом. Почему? Лысенко на своих руках вынес с поля боя раненого командира отделения, сохранив ему жизнь.

* * *

Огонь противника все нарастал. Мины рвались в

50—100 метрах. Командир взвода лейтенант Марадынский, казалось, не обращал на это никакого внимания и продолжал вести бой. Посылая немцам горячие «гостинцы» из своей снайперской винтовки, сержант Константин Андреевский временами поглядывал в сторону своего командира взвода. Вдруг он заметил, как лейтенант Марадынский споткнулся и скрылся в кустах сухой травы. Сержант быстро добрался до кустов и увидел лейтенанта Марадынского, лежавшего в луже крови. Командир получил тяжелые ранения в ногу, шею и руку. Сержант развернул бинт, наскоро перевязал командира, взвалил его себе на спину и понес к санитарному пункту. Враг открыл по ним огонь. Пули с визгом пролетали над самой головой. Лейтенант получил новое ранение. Совсем недалеко разорвалась мина. Но Андреевский, укрываясь в ямах, в воронках от мин и снарядов, продолжал тащить раненого командира. Сержанта слегка задело минной дробью. Он крепко выругался и ускорил темп движения.

Раненый своевременно был доставлен на санитарный пункт. Жизнь командира была спасена.

После боя мы вызвали сержанта Андреевского на откровенный разговор.

— А как можно иначе? — ответил он. — В бою каждый из нас может попасть в беду. Суворов когда-то правильно говорил своим солдатам: сам погибай, а товарища выручай...

РУССКИЙ ПАРЕНЬ

Голубоглазый, осанистый русский парень. С едва уловимой хитрецой на губах. С шестнадцати лет он начал водить тракторы на колхозных полях своей родной Воронежской области. Как лучший тракторист был выдвинут на должность бригадира тракторной бригады, два года работал комбайнером. Он полюбил машины. Парень только по рассказам знал, в каких больших муках добывали себе кусок хлеба его отец, дед, прадед. Серпами косили, цепами молотили... Ну, а он, их потомок, почти все сельскохозяйственные работы теперь выполнял с помощью машин. С чувством высокого достоинства парень садился за штурвал степного корабля-комбайна. В голове вынашивал мечту стать автомехаником. Но мечте этой не удалось сбыться.

В армии перед ним открылась новая жизнь. С той же неугасимой страстью Ильин взялся за изучение боевой техники. Некоторое время служил на границе. За образцовое выполнение заданий правительства был награжден медалью «За боевые заслуги».

Находясь на действительной службе, парень вел

переписку с давно любимой девушкой. Мечтал о крепкой и длительной дружбе. Но все повернулось иначе. Грянула великая отечественная война и Ильин одним из первых принял на себя удар немецко-фашистских орд. Парень не растерялся. Он начал беспощадно бить немцев. Бить всеми средствами: винтовкой, штыком, гранатой, бутылкой с горючей смесью.

Под местечком М. Ильин вел глубокую разведку. Враг находился у него со всех сторон. Но разведчик был неуловим. Он все высматривал, все выслушивал, все замечал и обо всем точно докладывал своему командиру. Если приходилось вести разведку боем — Ильин открывал самый губительный огонь из автомата и быстрее всех добывал необходимые сведения. Длительное пребывание в разведке воспитало в бойце отвагу и смелость, находчивость, умение ориентироваться в самой сложной обстановке. За отличные действия в разведывательных боях Ильин был награжден медалью «За отвагу».

В отечественную войну Ильин вступил рядовым бойцом, теперь он — младший командир, старшина роты. У него образцовый учет ротного имущества, он всегда чутко относится к запросам бойцов. Многим из них старшина помог в совершенстве овладеть искусством стрельбы из противотанкового ружья; у многих воспитал любовь к русской винтовке-трехлинейке, сделав их мастерами точного выстрела.

В середине декабря 1942 года Ильин проходил очередную снайперскую практику на передовой линии фронта. Перед утром, используя ночную темноту,

вместе со своим напарником бойцом Рубаном он пробрался на рубеж, дальше которого уже итти было невозможно. Выбрал две удобных огневых позиции: одну для напарника, другую — метров на сто вправо — для себя. Рубана предупредил:

— В случае чего — прикрывай меня огнем.

Целыми часами снайперы терпеливо высматривали и выслеживали врага. Вечером подвели итог дневной охоты: Рубан истребил четырех фрицев, Ильин — только трех. С горечью в сердце Ильину пришлось признать свое поражение. Потом он даже себя упрекнул:

— Хозяйственными делами увлекся, товарищ старшина. Мало занимаешься тренировкой...

Семену Ильину сейчас 25 лет. Таким как он приходится на своих плечах выносить всю тяжесть войны.

Это простой русский парень упорно отражал ожесточенный натиск фашистов в предгорьях Кавказа.

Это простой русский парень вел героическую битву за Сталинград.

Это простой русский парень показывает стойкость на подступах к городу Ленина.

Мужество и отвага простого русского парня вызывает сейчас восхищение во всем демократическом мире.

Честь и хвала русскому парню!

ЧЕЛОВЕК ЖИВЕТ РАЗ

В горячей схватке боец Василий Крамарев был ранен. Его не успели вынести с поля боя. Наступила ночь. Очнувшись в темноте, боец застонал. В ответ донеслись обрывки чьей-то речи. Стиснув зубы, чтобы вновь не застонать, Крамарев насторожил слух.

— Быстрее, быстрее, друг, ползи. Перевяжем, — послышался приглушенный голос совсем близко.

«Свои», — подумал Крамарев, и, впиваясь пальцами в землю, пополз к окопу, в котором находился... немецкий офицер. Это он по-русски звал на перевязку... Немцы схватили Крамарева. Офицер начал допрашивать его, требуя выдать сведения о численности войск, о характере вооружения и о системе обороны. Но Крамарев ничего не сказал.

С тупым хладнокровием фашисты ножом прокололи ему щеку, всадили нож в ягодицу, вырезали промежность с прямой кишкой, а затем на разных частях тела начали вырезать куски мяса. Двуногие гитлеровские звери не давали своему пленнику умереть, они наслаждались его мучениями. Пытки продолжались круглую ночь. Утром наши бойцы пошли в атаку и подобрали Василия Крамарева, истекающего кровью.

Врач, доставивший Крамарева в медсанбат, тихо сказал медицинской сестре:

— Этот вряд ли выдержит.

Жизнь Василия Крамарева висела на волоске. Но вот к нему подошел хирург Петр Архипович Сергеев.

— Живее давайте раненого на операционный стол,—приказал он санитарам.

Собрав врачей, хирург потребовал немедленно же подготовиться к сложной операции. Василия Крамарева согрели, дали ему дозу морфия, камфоры, сделали переливание крови. Больной начал подавать признаки жизни.

— Крамарев будет жить! — твердо и уверенно сказал хирург Сергеев, обращаясь к своим коллегам— молодым врачам, собравшимся у операционного стола. Хирург показал на теле раненого первый след «арийской культуры»—нанесение ножом в области промежности кратерообразной раны, глубиной в 12 сантиметров. Кто-то из врачей не выдержал своего возмущения:

— Какое варварство!

— Мало сказать — варварство,—нахмурив густые брови, ответил Сергеев. — Это... Впрочем, вряд ли в каком-нибудь языке народов мира найдется такое слово, которым полностью можно было бы выразить чудовищные злодеяния немцев...

Хирург указал на второй след «арийской культуры» — на полностью обнаженную заднюю стенку мочевого пузыря. И не сдержал себя:

— Сволочи фашистские!

Он приступил к операции. В его толстых, узловатых пальцах быстро и умело заходил сложный хирургический инструмент. Точность его действий скальпелем равнялась точности прицела самого лучшего снайпера. В творческом экстазе хирург забыл обо всем окружающем, и с его уст, завязанных марлей, как и во время обычных операций, сорвались слова любимой песенки:

«...Пой, гармоника, вьюге на зло,
Заплутавшее счастье зови...»

Под конец операции Василий Крамарев застонал.

— Ничего, ничего, дорогой Вася,—заговорил хирург. — Кончаем и уезжаем на чистую мягкую койку, где тебя будут окружать красивые девушки...

В спасении жизни бойца, зверски истерзанного фашистами, советский хирург нашел высокое моральное удовлетворение.

С начала отечественной войны, находясь в армии, Петр Архипович блестяще провел сотни самых сложных операций. Это мастерство далось нелегко. Надо было пройти многолетний путь напряженной учебы,

кропотливой хирургической практики, вооружиться знанием людей, жизни.

В начале гражданской войны 17-летним студентом Сергеев, по примеру старших братьев, ушел добровольцем в Красную Армию. Первое боевое крещение принял на Уральском фронте. Из армии был откомандирован в Саратовский университет. Учился упорно, с большой страстью. После окончания университета имел возможность остаться на работе в большом городе, но не захотел. Добровольно уехал на участок — в село.

— Девять лет я отмотал на участке, — рассказывал он.—Но какой огромнейший опыт дали мне эти годы! За все это время я проделал самостоятельно около 7 тысяч операций. В это число входят оперативные вмешательства по гинекологии, акушерству, урологии, отоляринголгии.

На участке Сергеев получил право называться врачом-хирургом. У него появилась органическая потребность свои наблюдения, свои практические навыки проверить на опыте других, более квалифицированных хирургов. Длительное пребывание в клиниках Саратова, Ташкента, Москвы и в ряде других крупных городов дало возможность Сергееву расширить свой кругозор, увидеть свои собственные ошибки.

Богатый опыт ему дала финская кампания 1939 года, во время которой Сергееву пришлось выполнять обязанности военного хирурга. В боях с белофиннами он спас тысячи жизней бойцов и командиров. В памяти Петра Архиповича надолго сохранился следующий

эпизод. Как-то одной ночью вместе с командиром дивизии хирург проходил мимо постов сторожевого охранения.

— Стой! Кто идет?—окликнули их.

— Свои.

— Ваш пропуск?

Командир не мог назвать пропуска—он только-что возвращался из командировки. Часовой задержал командира, а хирургу, улыбаясь сказал:

— А Вас, товарищ военврач 3-го ранга, я знаю. Можете итти.

Пришлось вызывать караульного начальника. Тот, узнав командира дивизии, разрешил часовому пропустить. Отойдя на несколько шагов от часового, командир спросил хирурга:

— Слушай, откуда он тебя знает?

— Не могу знать,—ответил хирург. — А впрочем, если хотите, давайте спросим самого.

— А как же мне не знать-то доктора? — улыбнулся часовой.—Он мне зашил распоротый снарядным осколком живот. Вот здесь.

И часовой ткнул пальцем место ранения ниже поясного ремня.

На финском фронте многие наши воины хорошо знали в лицо хирурга Сергеева, даже на большом расстоянии могли различить его сутуловатую, кряжистую фигуру. Его отлично знают и многие участники отечественной войны.

Под грохот орудийных выстрелов, вблизи боя, спасая жизнь наших славных защитников родины, Петр Арха-

пович одновременно учит молодых хирургов. В дни фронтового затишья хирург произвел десятки интереснейших хирургических опытов на животных (собаках), и все это для того, чтобы наглядно показать своим ученикам как именно нужно делать операцию.

За короткий срок пребывания на кавказском участке фронта Сергеев помог подготовить к самостоятельной хирургической работе молодых врачей тт. Николаева, Кузнецова, Ямпольского, Гричишкину.

Не так давно Петру Архиповичу показали газету, в которой был напечатан приказ командования о награждении орденами отличившихся бойцов и командиров. Среди других награжденных хирург прочел и свою фамилию.

— Не может быть, это ошибка,—сказал он.

— Петр Архипович, а почему Вы так думаете?

— Почему, почему... Бойцы и командиры награждены за храбрость. А меня за что? Я делаю обычное дело. Моя обязанность—бороться со смертью до последнего. Каждый человек живет раз. Вот я и спасаю ему жизнь... Что же здесь особенного?

С последним доводом,—«что же здесь особенного», конечно, никто не согласился. Петра Архиповича все начали горячо поздравлять с заслуженной наградой.

ПРЕЗРЕНИЕ К СМЕРТИ

Он среднего роста. Стройный и гибкий, как пружина. Круглолицый. Взгляд открытый, прямой, чуть-чуть застенчивый. Когда он улыбался—его живые серые глаза озаряла едва уловимая, задорная искорка, а на нежно-розовых щеках появлялись ямочки. Голос у Петра Барбашева мягкий, ласковый, как у девушки. Голос и ямочки в первые дни пребывания 19-летнего юноши в армии, собственно, и были поводом к различным едким шуткам. Даже ближайший друг Петра— Григорий Бобин—и тот подтрунивал:

— Ну, какой с тебя, Петька, вояка. А еще в командиры метишь.

Барбашев на шутки товарищей отвечал застенчивой улыбкой. Но скоро его все оставили в покое. Петр стал выделяться среди товарищей своей дисциплинированностью, аккуратностью и точностью в исполнении приказов командира, прилежностью в учебе, отличной заправкой обмундирования. В подразделении автоматчиков, например, никто так искусно не мог наводить блеск на сапогах, как это делал Барбашев. Бойцы начали проявлять к нему уважение.

Шли дни напряженной учебы. Барбашев в со-

вершенстве овладел винтовкой, автоматом, ручным пулеметом. Голос его окреп. За отличные успехи в учебе ему присвоили звание «ефрейтор», через некоторое время «младший сержант», а затем назначили командиром отделения.

— Беру свое слово назад и поздравляю со вступлением на должность командира,—сказал другу Григорий Бобин.

Барбашов ответил:

— Эх, Гриша, скорее бы на фронт, в бой...

Барбашов рвался на фронт. Его выделили агитатором. Своим увлекательным рассказом агитатор часто собирал вокруг себя тесный круг слушателей. Умело пользовался произведениями русских классиков. С большим проникновением он произносил каждое слово из стихотворения Н. А. Некрасова о немцах:

У немца—хватка мертвая:
Пока не пустит по миру,
Не отойдя, сосет!

Беспощадным гневом пылал призыв агитатора:

— Жадные, прожорливые двуногие звери — немцы хотят высосать всю кровь нашего народа. Мы, бойцы Красной Армии, не должны допустить до этого. Наш святой долг—истреблять всех оккупантов!

Барбашова избрали секретарем ротного комсомольского президиума. С каким воодушевлением он взялся за выполнение новых обязанностей! Прежде всего резко обрушился на расхлябанность некоторых комсомольцев. Например, комсомольцы Овсянник и Велигура

пытались вступать в пререкание. Отозвав их в сторону, секретарь президиума спросил:

— Товарищи, вы комсомольцы?

Овсянник и Велигура удивленно взглянули друг на друга. Они не понимали о чем речь? Что за странный вопрос? Но секретарь президиума не сказал больше ни слова. В его серых глазах, полных горького упрека, был разгадан ответ. Овсянник и Велигура глубоко почувствовали несовместимость своего поступка со званием члена ленинского комсомола. Вскоре они исправились.

Бойца Митронова долгое время считали неисправимым. С ним подолгу говорили, действовали убеждением, накладывали взыскание... За него взялся Барбашев. С разрешения командира роты он пошел с Митроновым в кино. Дорогой разговорились. Барбашев спросил:

— Слушай, Митронов, как у тебя со здоровьем?

— Я всем здоров. Как бык!—ответил Митронов.

Барбашев взглянул ему в лицо и многозначительно улыбнулся. Это смутило Митронова. Он заволновался.

— Зачем здоровьем моим интересуешься?

— Не только я—все интересуются. Вот, говоришь, что здоров, как бык. Это верно. Но почему же ты спишь на занятиях? Ребята хотели по почте спросить об этом у твоих родных...

Этот разговор крепко запал в душу Митронова. Его взяла тревога: а что, если и в самом деле напишут о нем родным? И он начал резко изменять свое поведение. Барбашев это видел и старался в каждой

мелочи проявить чуткость и заботу о Митронове. Воротничек нужен—Барбашев достанет, бумага для писем у Митронова выйдет—Барбашев ему раздобудет, и последней своей щепоткой табаку поделится.

Вскоре Митронова многие не могли узнать. Стал он более подвижным, подтянутым, дисциплинированным.

А как радовался Барбашев росту своей ротной комсомольской организации! За три месяца организация выросла вдвое. Какой же метод работы больше всего применял Барбашев? Личный пример. Своим примером он увлекал за собой товарищей. Где было трудно,—туда и спешил всегда секретарь комсомольского президиума. У него это стало привычкой.

Вот таким Петра Барбашева знали все.

... За несколько дней до 25-летия Великого Октября Барбашев подал заявление в партийную организацию: «Прошу принять меня в ряды партии Ленина—Сталина, так как я хочу в предстоящих боях с немецко-фашистскими оккупантами драться коммунистом. Даю слово, что на подступах к городу Орджоникидзе буду истреблять фашистов так, как истребляют их наши славные гвардейцы. В борьбе за общее дело нашей родины, за дело большевистской партии я не пожалею своей крови, а если потребуется, — то и самой жизни».

Партсобрание единодушно приняло Барбашева в кандидаты партии. На крепкое рукопожатие коммунистов он ответил только улыбкой, а сказать то, о чем думал в такой серьезный момент, так и не сказал—разволновался. Но потом, придя в свой блиндаж, упрекал себя

за эту оплошность, находил оправдание. В это время где-то недалеко загремела артиллерийская канонада, отчетливо слышались взрывы вражеских мин и снарядов. Разгорался бой на подступах к нашему рубежу.

— Ну, ничего. Постараюсь в бою делом ответить, — решил для себя Барбашев.

На второй день, за несколько часов перед вступлением в бой, Барбашев собрал всех комсомольцев подразделения. Собрание проходило с большим под'емом. Перед боем многим хотелось высказать свои мысли, свои переживания. Лицо Барбашева сияло. Он выступил предпоследним:

— Мы, комсомольцы, не должны посрамить воинской доблести наших отцов, завоевавших нам свободную жизнь. Наш святой долг—отстоять Кавказ, грудью защитить славный город Серго Орджоникидзе. Отбросим и разгромим врага! Отбросим и будем гнать его до Берлина. Товарищи, перед боем запомните слова нашего советского поэта:

Если ты не хочешь отдать
Немцу, с черным его ружьем,
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что Родиной мы зовем,
Знай—никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь,
Знай—никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.

Эти слова любил часто повторять Барбашев. С ними он и пошел на передовые позиции.

...По лощине плыл белый утренний туман. Прикры-

каясь им, группа бойцов, среди которых был и младший сержант Петр Барбашев, прокладывала путь нашим наступающим подразделениям. Продвигаться вперед было трудно. Противник густо обстреливал. Особенно яростный огонь вел вражеский дот справа. Несколько наших бойцов упали, сраженные фашистскими пулями. Прижимаясь к земле, Барбашев подполз к доту метров на двадцать и бросил подряд две гранаты. Раздался глухой треск взрывов, но вражеский дот продолжал стрелять. Барбашев видел как в десяти метрах от него пули сразили двух комсомольцев—Давыдова и Мову. И жаждой мести за кровь, пролитую товарищами, наполнилось сердце младшего сержанта. Он вскочил и ринулся вперед. Струя огня обожгла обе ноги. Барбашев вздрогнул, закачался, но не упал— левой рукой он во-время уперся в землю. Струя огня ударила в правую кисть — рука беспомощно повисла на одной мякоти, выронив на землю автомат. Что в таком положении осталось человеку делать? Младший сержант видел перед собой ствол вражеского пулемета.

Собрав последний остаток сил, Барбашев бросился вперед и своим телом прикрыл амбразуру вражеского дота. Ствол фашистского пулемета прижал к земле. Огонь был подавлен. Наши бойцы тотчас же ворвались в окопы и беспощадно расправились с гитлеровским зверьем.

Бойцы жестоко мстили за гибель своего друга. Петр Барбашев слишком любил жизнь, друзей, свой народ, чтобы бояться смерти, и во имя жизни—погиб.

* * *

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1942 года младшему сержанту Петру Парфеновичу Барбашеву присвоено звание Героя Советского Союза.

На фото: немецкие танки, подбитые и захваченные нашими частями на подступах к городу Орджоникидзе.

ПОДВИГ САПЕРА

Четырнадцать месяцев прошло с тех пор, как колхозного кладовщика Петра Ильича Догадина призвали в армию. За четырнадцать месяцев он в совершенстве овладел новой специальностью — стал сапером-минером. Десятки раз он участвовал в минировании отдельных участков переднего края нашей обороны, искусно очищал от вражеских мин пути продвижения для наших наступающих подразделений. От взрыва мин, закопанных в землю и замаскированных руками сапера Догадина, взлетела в воздух не одна вражеская автомашина с солдатами, на догадинских минах подорвался не один фашистский танк. Об этом хорошо знал Догадин.

Но результаты чисто саперной работы Догадина не совсем удовлетворяли.

Догадин своими глазами видел страшные разрушения в советских городах и селах, учиненные руками немецко-фашистских мерзавцев. Он видел трупы замученных ни в чем неповинных стариков, женщин, детей. Он видел истощенных до последней степени в фашистском плену красноармейцев, похожих скорее на скелеты, чем на живых людей. Он видел на своей родной земле следы чудовищных зверств, совершаемых кровожадными фашистскими шакалами. И в душе у него нарастало чувство злобы, мщения врагу. Сердце советского сапера жгла жажда мести и он искал момента утолить эту жажду. И вот такой момент пришел.

Догадин молниеносно ворвался в немецкий блиндаж. Увидев перед собой грозную опасность, один фриц пулей вылетел из блиндажа, а второму фрицу ничего не оставалось делать, как только принять бой. Это был долговязый рыжий офицер. Он с проворностью кошки подскочил к Догадину и пальцами впился ему в губы. Догадин дернул подбородком и откусил большой палец офицера. Издав змеиное шипение, офицер всей тяжестью своего грузного тела повалил Догадина. Перекатываясь от одной стенки блиндажа к другой, каждый старался вывернуться, схватить другого за горло. Офицеру удалось левой рукой подхватить на земле пистолет. Офицер уже притиснул ствол пистолета к груди противника и хотел нажать на спусковой крючок, как в этот миг Догадин вывернулся, сел верхом на офицера, в какую-то сотую долю секунды выхватил из чехла свою малую саперную лопату и со

всего размаха двумя ударами лезвия инструмента раскроил череп гитлеровца. Пистолет выпал из руки офицера.

Выходя из блиндажа, советский сапер с отвращением плюнул в сторону бездыханного тела гитлеровского офицера.

Весть об этом поединке быстро облетела все подразделение. Товарищи подробно расспрашивают Догадина:

— Как же ты рыжему голову раскроил?

— А очень просто — лопатой. Если бы его не укокошил, то он меня убил бы наверняка...

Боец, запомни эти слова отважного советского сапера! Если ты не убьешь немца — он тебя убьет. Бей немцев всем, что только попадется под руку.

О ЧЕМ ШУМИТ ТЕРЕК...

Мы проходим по предгорьям Кавказа. Какой грандиозностью и величием дышит все вокруг! Солнечные склоны гор покрыты плодоносящими фруктовыми садами, роскошными лугами, широкими массивами кукурузы, пшеницы, овощей. Слева на горизонте тянется цепь исполинских гор. Их зубчатые вершины сияют вечными снегами, а прямо над головой — прозрачная синева небес... Невольно вспоминаются проникновенные слова великого русского поэта Лермонтова:

...Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

На небольшой равнине среди бука и чинар гордо вздымаются стройные пирамидальные тополи, а чуть дальше — серебряным блеском искрится Терек. Встречая на своем пути каменные барьеры, река яростно преодолевает их и со страшным шумом несется к равнине. Силой Терека восторгался гениальный Пушкин, совершая свое знаменитое путешествие в Арзрум. Побывав на берегах этой реки один раз, поэт часто уносился к ней в мечтах своих.

О чем шумит сегодня Терек? О грозной битве советских богатырей с двуногим фашистским зверьем. У берегов Терека русские, украинцы, белоруссы, грузины, осетины, узбеки — все сыны народов, спаянные сталинской дружбой, отстаивают честь и независимость своей родины. Бои идут упорные. Каждый день приносит новые образцы мужества, стойкости, бесстрашия и геройства наших воинов.

На н-ском участке сражались с немецкими захватчиками наши бронебойщики. Черными гадинами, грохоча гусеницами, ползли вперед фашистские танки. Многие из них выводились из строя огнем русских противотанковых ружей. У лейтенанта Бирюкова оказались на исходе все патроны. Он израсходовал все гранаты. А танки ползут, они вот уже совсем близко— на расстоянии каких-нибудь сорока метров. Что делать? Бирюков условным сигналом передает команду артиллеристам:

— Огонь на меня!

Исполняя эту команду, артиллерийская батарея открыла ураганный огонь. Снаряды попадали точно в цель — вражеские танки, загораясь, останавливались, переворачивались на бок. Танковая атака врага была успешно отбита. Немцам был нанесен крупный урон в технике и людях. И лейтенант Бирюков остался жив. Товарищи его до крайности были удивлены:

— Как же ты ухитрился уберечь свою голову от снарядов? Мы ведь считали тебя погибшим.

— Вы просчитались,—улыбаясь ответил Бирюков.

— Передав команду на батарею, я сейчас же глубоко укрылся в щели и там просидел до тех пор, пока не был прекращен огонь.

Находчивость, стойкость и бесстрашие спасли жизнь герою.

...Шел жаркий бой. На позицию бронебойщика тов. Чупахина ползло до десятка вражеских танков. Бронебойщик, подпустив их к себе метров на 100—150, хладнокровно открыл меткий огонь. От первого же выстрела был подбит один танк. Чупахина сильно подбодрил этот успех. Он снова прицелился—второй вражеский танк вспыхнул и с глухим грохотом остановился. Сердце бронебойщика загорелось яростью. Всего в этом бою Чупахин подбил 2 танка и 1 бронемашину.

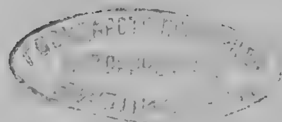
...Лейтенант Горовой, выждав пока два вражеских танка приблизились к нему на 90 метров, спокойно открыл огонь из своего противотанкового ружья. Пули попадали прямо в цель — оба танка быстро вышли из строя.

Гневом и ненавистью к немецким захватчикам полны сердца верных сынов народа Бирюкова, Чупахина, Горового... Враг силен и коварен. Но крепче гранитных скал наша воля к победе. Ею проникнуты все помыслы и действия наших отважных воинов. Сыны воинственных горцев и вольных казаков-терцев не знают страха в борьбе с врагом.

Пусть же ярче разгорается пламя борьбы за советскую отчизну, за великую нацию Пушкина, Лермонтова. Враг не пройдет!

В эти дни грозен Терек. Он шумит о скорой победе над гитлеровским кровавым чудовищем.

Август—декабрь 1942 г.
Северный Кавказ.

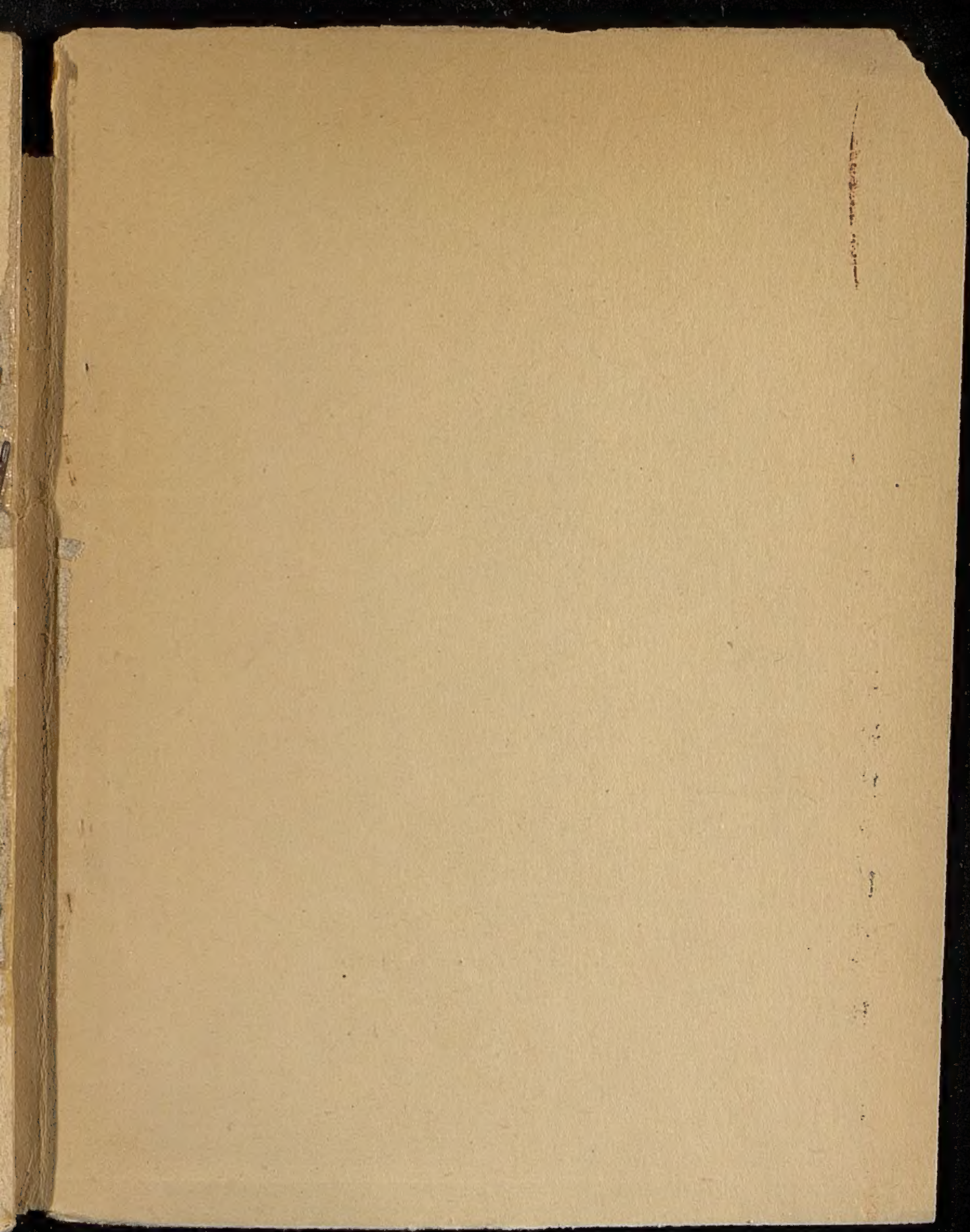

СОДЕРЖАНИЕ

Ответ. редактор Г. Апресян
Обложка худож. А. Хохова
Корректор Л. Корявцева

Сдано в набор 25-I 1943 г. Подписано к печати 13-II 1943 г. Печатных листов 2,8
Тираж 2500. Формат бумаги 60x92.
Заказ № 2487 ЕИ2441.

Республиканская типография НКМП
Сев.-Осет. АССР.

Цена 1 р. 50 к.